

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ
О ДВУХ ФАЗАХ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ
И ТЕОРИЯ "РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА"

Советское обществоведение (а вместе с ним и реальная практика коммунистического строительства у нас в стране) уже довольно продолжительное время страдают от одного глубоко негативного явления: наплыва выраженно-ревизионистских "концепций", которые под Флагом "творческого", "недогматического" прочтения основоположников научного коммунизма стремятся подвергнуть, по существу, всю классическую коммунистическую доктрину методичному и разрушительному "пересмотру".

Сюда принадлежат, например, домыслы вокруг пресловутой "научно-технической революции", откровенно воспроизводящие примитивнейшую буржуазно-апологетическую философию "технического детерминизма". Сдвиги, отличающие преимущественно развитие производительных сил современного капитализма и совершающиеся под непосредственным воздействием вполне определенных качественных изменений в капиталистических производственных отношениях, проповедники упомянутой техницистско- "революционной" мифологии выдают за какую-то универсально- "надчеловеческую", "внеклассовую" пертурбацию, к закономерностям которой равно должны-де приспособливаться государства с противоположными экономическими и политическими системами. Мировоззренчески путаное "Философское" сочинительство оборачивается, таким образом, и политически-безответственной "практической установкой", подстрекая заимствовать (в качестве якобы "надклассовых") характерные черты нынешней - далеко не прогрессивной - базисной и организационно-управленческой эволюции буржуазного строя.

Мифом этого же толка (приведём ещё один пример) является "системный анализ" в роли "принципиально-нового средства решения крупномасштабных общечеловеческих проблем". Системный анализ при ближайшем рассмотрении представляет собой стандартный предпринимательски-коммерческий расчёт "издержки - прибыль", только принявшийся в топорно- "Философскую" фразеологию; но по отношению почти ко всем "общечеловеческим проблемам" современности (связанным, хотя бы, с колониальным прошлым развивающихся стран) подход с позиций капиталистического предпринимательства есть не средство их решения, а причина, по которой они возникли.

Многолетняя последовательность событий на нашем идеино-теоре-

тическом фронте, безусловная и высокая "скоординированность", "организованность" провозглашения и распространения антимарксистских вывертов, а также упорство, с которым подавляется критика по адресу всякого очередного измышления, вынуждают видеть в происходящем не сцепление случайных и досадных эпизодов, но единий процесс, обнаруживающий достаточно отчётливую целенаправленность и неоспоримую, при этом резко деструктивную "внутреннюю логику".

Справедливо, пожалуй, будет заключить, — если в социалистическом государстве, "поперёк" естественным усилиям партии и народа приблизить вступление в коммунизм, чуть не десятилетиями разрастается околопартийное и околонаучное искривление вышеописанного сорта и размаха, это не может протекать в некоем "бессознательном", "несанкционированном" порядке: кому-то среди авторитетных идеолого-политических руководителей рано или поздно придётся объяснить общественности, почему и во имя чего получилось допущено подобное, воистину подрывное развитие на жизненно-важном участке партийной работы, который, казалось бы, должен оберегаться как зеница ока и при любых прочих обстоятельствах пользоваться "привилегией" неослабного к себе внимания.

Своим недавним выступлением в качестве теоретика (со статьёй "Исторический рубеж на пути к коммунизму") Л.И.Брежнев явственно "принял на себя" авторство одной из этих уклонистских новаций — идеологии "развитого социалистического общества"; по крайней мере, статья производит именно такое впечатление. Самый факт появления названного теоретического очерка подталкивает невольно, чтобы годами сгущавшиеся здесь молчаливые "импликации" были, наконец, сформулированы со всей необходимой определённостью и было не двусмысленно указано, что как раз на Л.И.Брежнева, в суммарном итоге, падает ответственность не только за "развитой социализм", но вообще за то (беспрецедентное со времён II Интернационала) концептуальное и политическое выхолашивание марксистского наследия, свидетелями которого нам, к великому прискорбию, довелось сделаться.

I

Мы сможем уверенно выявить всю безосновательность придумывания "развитого социалистического общества", если постараемся поточнее восстановить перед собой марксистское решение вопроса, каков же общественно-экономический, "формационный", базисный смысл понятия "коммунизм"?

а/ Сущность всякого общественного устройства, а постольку его отличие от других социальных организмов, воплощены в его базисе, в структуре производственных отношений, и если на коммунистическую общественно-экономическую формацию взглянуть под этим (единственно надёжным) углом зрения, обнаружится, — как известно, — следующее. Сравнительно с предыдущей, буржуазной общественно-исторической эпохой, при коммунизме центральное базисное отношение (форма соединения трудящегося со средствами производства, она же "Форма собственности на средства производства") представляет собой реализацию не "рабочей силы" массового производителя, но его творческой способности, т.е. субъектной характеристики, которая

определяет трудящуюся массу как сознательное направляющее начало (субъект) общественно-производственного процесса, а не его внешне-манипулируемый "ресурс".

Социально-обеспеченная перспектива (и только она!) беспрепятственно "самоосуществить" себя как субъекта - как всесторонне развитую личность - означает, что трудящийся более не подвергается эксплуатации, - ни непосредственно, ни в её "остаточных", мимикрирующих разновидностях, которые сохраняются какое-то время и после пролетарского переворота, ибо эксплуататорское отношение к человеку, широко говоря, есть любое "несубъектное", неравноправное к нему отношение, любая попытка низвести его до положения "вещи", не заслуживающей-де внимания к её специфическим интересам.

Субъектный, "личностный" принцип присвоения средств производства трудом подразумевает также, что полностью уничтожается отчуждение между трудящимися и органами управления общественно-производственным аппаратом (на стадии социализма - "бюрократическое извращение"), структурно блокируется какая-либо возможность выборочно-"элитной" монополии на те или иные управленческие функции, возможность использования властных прерогатив как орудия удовлетворения перерожденческих, частноприобретательских притязаний. Маркс описывал это всемирноисторическое "воссоединение" непосредственного производителя и управления производством как ликвидацию разрыва между "гражданским обществом" и "политическим государством": как самоизживание "абстрактной" (представительно-демократической) государственности и утверждение демократии непредставительной ("поголовной", согласно позднейшему ленинскому определению).

Словом, "габаритные" очертания полного коммунизма - и базиса его, и политической организации, "надстройки" - можно в марксистской социально-философской науке считать установленными: это уклад, где производящие массы овладевают средствами производства по принципу осуществления творческой способности работника и всем поголовно, в зависимости лишь от ясности осознания гражданского долга, гарантировано фактическое, "с правом решающего голоса" влияние на ход общественных дел любого уровня.

б/ Спросим теперь, - откуда логически проистекает представление о непременно "двухфазном", "двухэтапном" покорении человечеством коммунистического будущего?

Совершая революцию, угнетённый класс в первую очередь всегда стремится "абсолютизировать", распространить на общество в целом собственный свой социальный статус, - твёрдо уповая, что проблема его неравноправия, его общественной "неполноценности" этим разрешается в корне (так, крестьянские освободительные движения вдохновлялись, более или менее осознанно, картиной массового "вольного землепашца" в государстве без помещиков-крепостников).

"Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже приобретённое ими положение в жизни, подчинить всё общество условиям, обеспечивавшим их способ присвоения."^{х)}

Мировой пролетариат, напротив, есть в разбираемом плане класс "универсальный", поскольку его объективно-историческая миссия состоит не в замене одной системы эксплуатации другой, а в уничтожении всякого эксплуататорства, в создании общественного уклада,

^{х/} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 434.

образованного подлинно-свободными человеческими индивидами, индивидами-творцами, индивидами - личностями в наивысшем, "наиболее требовательном" значении этого определения.

"Только современные пролетарии, совершенно оторванные от самодеятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самодеятельности, которая заключается в присвоении совокупности производительных сил и в вытекающем отсюда развитии способностей. Все прежние революционные присвоения были ограниченными; индивиды, самодеятельность которых была скована ограниченным орудием производства и ограниченным общением, присваивали себе это ограниченное орудие производства и приходили в силу этого только к новой ограниченности."

"Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом."^{x)}

Сначала, однако, пролетариат объективно вынужден действовать по образцу предшествовавших социальных революций, т.е. охватить, пронизать всю общественно-экономическую целостность тем строем присвоенных отношений, которым рабочий класс характеризуется, по существу, ещё как прямой продукт и "бывший компонент" только что низложенного капиталистического способа производства. Ведь революция, - а она есть периодическое структурное обновление общественно-экономического базиса, - процесс закономерный и последовательно развивающийся, поэтому исторически-позднейшие социальные перевороты не отменяют (и не могут отменить), но в снятом, опосредствованном ("заглублённом") виде воспроизводят особо существенные, узловые моменты революционной логики прошлого.

Стадию вот этой-то неизбежной "социальной абсолютизации" отношения "рабочая сила", - отношения, которое значительно модифицируется, конечно, вместе со своей качественно-новой общественной распространённостью, но продолжает пребывать, тем не менее, отношением внутренне-некоммунистическим, структурным оттиском буржуазной предыстории коммунизма, а не завязью благотворных перемен, - вот эту-то стадию марксистская наука и определила как первую, нижнюю фазу коммунистического революционного процесса, революционного становления коммунистического общества.

"Мы имеем здесь дело, - указывает Маркс в "Критике Готской программы", - не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам даёт ему /курсив мой.- Т.Х./..."

"То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров /курсив мой.- Т.Х./..."

"... господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами /курсив мой.- Т.Х./: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому равное право здесь по принципу всё ещё является пра-

^{x/} К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3, стр.68; т.4, стр.434.

вом буржуазным ... "x)

Стало быть, "научная разница между социализмом и коммунизмом ясна", - подхватывает мысль Маркса В.И.Ленин.^{хх)}

"Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма."

"... Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту "несправедливость", что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления "по работе" (а не по потребностям)."

"... один еще переход средств производства в общую собственность всего общества ("социализм" в обычном словоупотреблении) не устраивает недостатков распределения и неравенства "буржуазного права", которое продолжает господствовать, поскольку продукты делятся "по работе". " ... остаётся в качестве регулятора (определятеля) распределения продуктов и распределения труда между членами общества /курсив мой.- Т.Х./..."

"... постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта. ... остаётся охрана "буржуазного права", освящающего фактическое неравенство."

"Буржуазное право ... предполагает, конечно, неизбежно и буржуазное государство ...

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство - без буржуазии!"^{xxx)}

в/ Социализм раскрывается перед нами, таким образом, как характерно-"неравновесная" ступень общественно-исторического развития; неравновесность эта обусловлена наличием внушительнейших отслоений предыдущей экономической эры: доминирует некоммунистическое, повторяем, по своей сущности базисное отношение "рабочей силы", сохраняется товарное производство, чему надстроечным, политическим "концентратом" служит "буржуазное государство без буржуазии", т.е. организация политической жизнедеятельности на представительно-демократических, лишь формально эгалитарных началах.

Структурно-политические (базисные, производственные в широком политэкономическом смысле) отношения не являются, однако, некоторыми "деревянными", внутренне-неподвижными данностями; они заключают в себе определенные тенденции, "приоритеты" общественного прогресса или регресса и энергично реализуют их. Социальная же направленность "приоритетов", заключенных в "рабочей силе", товарном производстве или, тем напаще, в "буржуазном государстве без буржуазии", ни тени сомнений не вызывает: товарное производство, по мере продолжающегося своего существования, будет неистребимо и настойчиво пытаться вернуть себе прежний всеобъемлющий масштаб;

x/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.19, стр.18-19.

хх/ В.И.Ленин. ПСС, т.33, стр.98.

xxx/ Там же, стр. соотв. 98, 93, 94, 95 /курсив мой.- Т.Х./,
98-99.

"рабочая сила" не может не провоцировать более или менее откровенное возрождение своего естественного историко-диалектического "оппонента" - отношений "капитализации" общественных средств труда и, соответственно, монополизации распоряжения ими. Со стороны, наконец, "буржуазного государства без буржуазии", - которое выступает, среди прочего, политическим "концентрированным выражением" очерченных нежелательных наклонностей, - при условии малейшего ослабления и неудовлетворительности массового, низового контроля над ним не только не выказывается должной решимости воспротивиться этим реставраторским течениям, но оно, наоборот, тяготеет их возглавить, - в чём мировое социалистическое содружество могло убедиться на изобильнейшем, подчас драматическом опыте послевоенных десятилетий.

Столь обширная "перегруженность" базисными и политико-институциональными компонентами, обречёнными в дальнейшем на исчезновение, "отмирание", - перегруженность, чреватая опасностью капиталистической реставрации и при первой возможности выливающаяся в прямой реставраторский нахим справа или "слева", - делает научно бездоказательной (и не находящей подтверждения на практике) постановку вопроса о некоей автономной "эрелости" социализма "внутри самого себя"; прозаическая, неприкрашенная фактография современной истории удостоверяет, что "само по себе", абстрагированное от активных параллельных поисков "пути в высшую фазу", социалистическое общество способно "доозреть" лишь до ренегатских эксцессов того или иного плана, наносящих огромный урон международному революционно-освободительному движению.

Апологетика социалистического этапа как такового, кстати, глубоко несвойственна марксизму. Специфическую противоречивость, несбалансированность, даже известную общественную "некомфортабельность" первой фазы классики превосходно сознавали и ни единой минуты не учили, якобы вслед за победой, в межинформационной борьбе, собственно-социалистического базиса должна наступить какая-то "относительно длительная полоса", на протяжении которой присущие ему структурные недостатки будут беспрепятственно развертывать свои реставраторские "потенции".

Маркс говорит (отнюдь не восторженно!) о социализме, что здесь "каждый является только рабочим, как и все другие"; людей "рассматривают только как рабочих и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального".^x

"Все граждане, - реэьюмирует в "Государстве и революции" В.И.Ленин, - превращаются здесь в служащих по найму у государства ... Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного "синдиката"."

"Всё общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта "Фабричная" дисциплина, которую победивший капиталисты, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на всё общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только с тупенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперёд / курсив мой.- Т.Х./."

"И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т.е. равен-

^{x/} К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.19, стр.19.

ства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т.е. к осуществлению правила: "каждый по способностям, каждому по потребностям" /курсив мой.- Т.Х./."х)

Социалистическое государство—"синдикат", государство—"контора", - с ограниченным, однобоким доступом трудящихся к принятию решений, рассматривающее гражданина в отвлечении от "всего остального", помимо его рабочей силы, - в некоторых концепциях, весьма шумно у нас нынче пропагандируемых, изображается (вопреки яснейшим предостережениям В.И.Ленина!) именно как явная "конечная цель" и безапелляционный "научно-обоснованный" эталон общественного благоденствия. (Мы особенно имеем в виду теории статического "экономического оптимума", которые напрямик отождествляют рабоче-крестьянское правление с господством капиталистической фирмы, только "разбужшей" до общенациональных размеров.) Между тем, марксизм, - как мы сочли нужным напомнить, - отводит государству—"синдикату" лишь сравнительно скромную роль "орудия против мещанинства капиталистической эксплуатации"; причём тотчас по преодолении буржуазно-эксплуататорских "мерзостей" рабочему классу приходится позаботиться уже об избавлении от самого "синдиката", ибо государство—"фирма", будучи по своей социоструктурной природе "буржуазным государством без буржуазии", за известными пределами само становится серьёзнейшим очагом обуржуазивания нового строя, поощрения различных антипролетарских пополнений, не только морально-идеологических, но и организационно-практических.

II

Само собою разумеется, на социалистической стадии присутствуют не только всемирноисторически—"рудиментарные" базисные и институциональные формообразования, которым суждено в недалёком грядущем "отмереть", но и значительно жизнеспособнейшие, "непромежуточные" структуры, как бы перекидывающие сквозной мост от капитализма к собственно коммунистическому устройству.

a/ Сюда, прежде всего, относится ленински-партийный принцип сплочения, мобилизации, организации и привлечения к управлению наиболее сознательных, самоотверженных, граждански-ответственных сил, наличествующих в народе.

Следует всячески подчеркнуть, что коммунистически-партийная трактовка управления и власти, по своей сути и общественно-исторической тенденции, кардинальным образом разнится от широко бытующего понимания представительно-демократического подхода.

Власть, когда она осуществляется посредством "партии", идеино-политического авангарда трудящихся, - это не традиционное (у ряда наших "теоретиков" сливущее единственно—"научным") господство "субъекта управления" над "объектом управления", но здесь складывается эпохально-новая система взаимоотношений между "управляющими" и "управляемыми" как между всесцело равнозначными субъектами, которые наделены (не на словах, а в повседневной практике)

сопоставимыми "властными возможностями".

Субъекту же дано воздействовать на равноправного с ним субъекта лишь одним способом - убедительностью собственного примера; ведь какие-либо манипулятивные, "внеличностные" методы, не обращённые первоначально к сознанию, чувству долга и ответственности "партибера", неадекватны рассматриваемому фактически-эгалитарному властному отношению и ни к малейшему, хотя бы поверхностному и эфемерному "успеху" привести здесь не могут.

Собственный пример, однако, - творческое горение, прилежание и пытливость, новаторская позиция в труде, граждански-политическое бескорыстие, готовность послужить Родине, стремление больше по-знать и полнее применить знания ради общего блага, - это такой "путь к власти", который впервые в истории реально, осiąгаемо открытым перед каждым, открыт "поголовно", и это, поистине, единственная форма "политической карьеры", которую нельзя не сделать, если имеешь настоящие, подлинные "управленческие задатки", а с другой стороны, нельзя сделать, если таковых не имеешь, нельзя сделать "чужими руками".

Мы видим, что принцип "собственного примера", - характернейший функционально-организационный принцип коммунистической партийности, - и есть, по существу, структурное уточнение, "структурная развертка" идеи поголовного управления, некогда определённого нашими классиками как "управленческая перспектива" коммунизма. Ведь "поголовность", действительная массовость участия в управлении, естественно, - не какая-то анархическая неразбериха. Самоуправляемость при коммунизме (непредставительная, "непосредственная" демократия) - всемирноисторически наивысшая, совершеннейшая ступень институциональной организованности человечества, а сегодняшний, уже существующий институт, которому предназначено развернуться в эту будущую организованность, в эту, как формулировал Маркс, "будущую государственность коммунистического общества" (о), - безусловно, партия коммунистов (если, конечно, над её развитием работать не в духе фашизаторского "научного управления", но строго придерживаясь классической ориентации на углубление общественного равенства и последовательное высветление, оттачивание его институционального облика).

Марксистское положение об "отмирании государства" в преддверии коммунизма, - заметим попутно, - сплошь и рядом толкуют неверно: получается, будто по ходу коммунистического строительства окажется ликвидирована ("отомрёт") какая-либо институциональность, законо-сообразность, правовая регламентация общественной жизни. Между тем, такое понимание - очевидная несуразица, и ничего подобного в политико-философском учении марксизма обнаружить нельзя; отличительно-коммунистическая управленческая концепция "собственного примера" вовсе не подразумевает возникновения некоего аморфного, "деструктурированного" социального состояния. Становление "поголовно-управляемого" общества - отнюдь не разрушение всякой институционально-правовой структурности, поскольку любой управленческий уклад должен институционально фиксироваться и охраняться; наоборот (как уже говорилось), это подъём человечества к качественно-наиболее, тончайшему и мощнейшему роду общественной структурализации. Схематика "личного примера" несовместима не с институционностью и правосообразностью вообще, но лишь с представительным демократическим

х/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.19, стр.27.

кратизмом (вот он-то и подлежит "отмиранию"); ибо "собственный пример", действительно, - настолько высокоразвитый тип политического волеизъявления, что уже самая мысль отделить его от индивида и кому-то "передоверить" выглядит совершенным абсурдом.

б/ Можно легко усмотреть, далее, - представление, что "право на власть", "политическое влияние" завоёвывается через собственный положительный пример, подаваемый людям, есть именно та идея, тот "проект" политической (институциональной) надстройки, который соответствует коммунистической идее преобразования общественно-экономического базиса как перехода от утилизации "рабочей силы" трудящегося к саморазвёртыванию его творческой способности.

Ведь понятно, - если человек в процессе труда реализует присущее ему творчески-продуктивное, субъктное начало (выступает субъектом определённой сферы деятельности, внутренне-побуждающим агентом её развития), это и значит, что он данную сферу прогрессивно направляет - управляет ею в буквальном, наиточнейшем смысле слова. Стало быть, вообще массовая, поголовная реализация производительного потенциала трудящихся как "творческой способности" (а не "рабочей силы") попросту неотторжима от столь же поголовной причастности к управлению: поголовное управление (или коммунистическое самоуправление) как раз и является собою ту политico-институциональную, политико-организационную форму, в которой концентрированно выражается основное базисное отношение коммунизма.

Мы выяснили, равным образом, что принцип "поголовности управления" ("личного примера", как было показано^x) уже, по существу, пустил корни в нашей действительности. Система поголовного управления (самоуправления), однако, далеко еще не создана, и степень этой "незавершённости принципа", этот "структурный интервал" между его первоначальным укоренением и всепроникающим, всеохватывающим господством полезно постараться установить.

Совокупность производственных отношений (экономическая, сущностная структура общества) при "революционном превращении" капитализма в коммунизм^{xx}) должна измениться в следующем порядке: от "рабочей силы" в условиях капиталистической собственности на средства производства - через "рабочую силу" в условиях пролетарского огосударствления средств производства - к творческой способности в условиях фактически-равноправного ("поголовно"-равноправного) присвоения средств производства, т.е. непредставительной (подлинно "всенародной") демократии.

Согласно марксистскому учению, качественная трансформация в базисе начинается под давлением определяющей производительной силы - трудящихся масс; необходимость базисного сдвига концентрированно воплощается в возникновении революционных, передовых идеологических (надстроечных) органов - партии революционеров, хотя бы; революционная надстройка, будучи орудием противоборства нового, нарождающегося экономического уклада со старым, какое-то время "идёт впереди" существующего, устаревшего базиса (но под эгидой "своего", еще не утвердившегося); затем она раскалывает наличный базисный "монолит" в самой его сердцевине, меняет опор-

^{x/} Сегодня (или в сегодняшней конкретно-исторической его модификации) его чаще называют принципом демократического централизма.
^{xx/} См. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.19, стр.27.

ное присвоенческое отношение - структуру собственности и постольку восстанавливает в обществе соответствие между характером производственных отношений и потребностями развития производительных сил (класса-производителя, в первую очередь, а не техники, как зачастую пытаются нам внушить).

"На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, на основе экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи, новые идеи организуют и мобилизуют массы, массы сплачиваются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют её для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки."

"Здесь особенно ярко выступает громадная роль новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения."

"Новые общественные идеи и теории потому собственно и возникают, что они необходимы для общества, что без их организующей, мобилизующей и преобразующей работы невозможно разрешение назревших задач развития материальной жизни общества. Возникнув на базе новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, новые общественные идеи и теории пробивают себе дорогу, становятся достоянием народных масс, мобилизуют их, организуют их против отживших сил общества и облегчают, таким образом, свержение отживших сил общества, тормозящих развитие материальной жизни общества."^{x)}

Свергнув прежнюю форму собственности, прежнюю "базисную доминанту", революционно-политическая организация победившего класса занимает касательно "своих" производственных отношений, которым она обеспечила возобладание над отжившим способом производства, уже очевидно и откровенно подчинённое, служебное положение; она методично перекраивает в новом "базисном стиле" весь общественно-производственный механизм, помогает новому базису разветвиться от революционных декретов, образно говоря, до полнокровно функционирующей, целостной системы позитивных экономических реальностей. В момент же, когда непрерывно развивающиеся производительные силы опять нарушают "базисное соответствие" и поставят перед неизбежностью очередного качественного скачка в производственных отношениях, на уровне надстройки вновь прорежется и "выдвинется вперёд" политико-правовой "оперативный орган" назревшей социо-структурной перемены, причём он снова будет некоторое время "перекрывать", "обгонять" имеющуюся, непосредственно-Господствующую базисную определённость, - ведь в нём сконцентрированы, как бы "экстрагированы" ею самой порождённые прогрессивные общественно-экономические тенденции.

Сказанное одинаково касается, в некоторых итоговых очертаниях, как антагонистических социальных устройств, так и коммунизма: глубинная, фундаментальная закономерность, по которой периодически срабатывает основное противоречие всякой общественно-экономической формации - противоречие между продвинутостью производительных сил и "высотой стояния" производственных отношений, эта

^{x/ И.Сталин. Вопросы ленинизма. Госполитиздат, 1953, стр. соотв. 600-601, 600, 586.}

закономерность действует на протяжении всей истории человечества. Сущностное различие между коммунизмом и докоммунистическими способами производства заключается здесь в том, что классово-элитарные уклады с конфликтом "производительные силы - производственные отношения" справиться не умеют и он там протекает стихийно, "варварообразно", в границах же коммунистической формации, - ввиду её социально-уравнительной, антиэксплуататорской природы, - появляются предпосылки (а вскоре и жёсткий естественноисторический "императив") к сознательно-контролируемому развертыванию и разрешению этих могущественнейших, первичных циклов общеэкономической динамики.

"... при социализме дело обычно не доходит до конфликта между производственными отношениями и производительными силами, ... общество имеет возможность своевременно привести в соответствие отстающие производственные отношения с характером производительных сил. Социалистическое общество имеет возможность сделать это, потому что оно не имеет в своём составе отживших классов, могущих организовать сопротивление. Конечно, и при социализме будут отстающие инертные силы, не понимающие необходимости изменения в производственных отношениях, но их, конечно, нетрудно будет преодолеть, не доводя дело до конфликта."^x)

Мы выпишем, лишний раз, этот важнейший марксистский вывод, - о контролируемости (планируемости), "безразрывности" крупномасштабных базисных преобразований как ключевом типологическом признаке коммунизма, - также и в классической, "доктринальной" формулировке Энгельса:

"Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в обществе. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они жаждут. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы."^{xx})

в/ Марксизм, - как мы в предыдущем параграфе дополнительно убедились, - признает естественными, неустранимо-закономерными в развитии общества такие "структурные ситуации", когда новый, только Формирующийся (под давлением класса-производителя) базисный, миро-присвоенный принцип успел уже политически "сконцентрироваться",

^{x/} И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр.51.

^{xx/} К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.20, стр.294-295.

"выслал вперёд" некий надстроочный, институциональный инструментарий, более или менее закрепился на идеолого-правовом этаже, разрастается и конкретизируется вглубь и вширь, но окончательно отнюдь ещё не пронизал собою материально-экономическую действительность и не реорганизовал её в новую систему приложения труда, в новую "систему собственности".

Столкнувшись с подобной расстановкой событий после Октябрьской революции, В.И.Ленин констатировал в декабре 1921 г.:

"Мы зашли в эпоху политическую и военную гораздо дальше вперёд, чем нам позволял непосредственно экономический союз рабочих и крестьян."

"На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжёлой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие. Всегда в истории великие политические перевороты требовали длинного пути на то, чтобы их переварить. Все великие политические перевороты решались энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно шла масса. ... И эта часть работы, т.е. политический переворот, была выполнена нами так, что всемирное историческое значение этого дела бесспорно. Затем, за великим политическим переворотом, встаёт, однако, другая задача, которую нужно понять: нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь ... нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень. Вот в чём штука. ... переварить то величайшее политическое завоевание, которое мы сделали. Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчёт, что это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло. Тут работа целых десятилетий, и на неё нужно потратить огромные усилия."^{x)}

Ситуации разбираемого рода закономерны, но отсюда никак не вытекает, что они (по выражению В.И.Ленина) очень уж "приятны"^{xx)} и желательны. Ведь покуда обновившийся "контур" базисных отношений, "сделавшихся законом, не стал ещё реальностью"^{xxx)}, не пропитал "плоть и кровь обыденной экономики и условия существования масс", — покуда этого не добились, получается такая управлеченчески-щекотливая вещь, что ведущее, революционно внедрённое структурное начало в обществе, удерживаемое всем авторитетом молодой власти, "не замкнуто на себя" и функционирует, говоря инженерным языком, без обратной связи.

^{x/} В.И.Ленин. ПСС, т.44, стр.309, 326-327. Курсив мой.- Т.Х.

^{xx/} Там же, стр.309-310.

^{xxx/} См. В.И.Ленин. ПСС, т.36, стр.182:

"... главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом осуществлении основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали ещё реальностью) курсив мой.- Т.Х./."

"... победа над буржуазией должна быть осуществлена теперь, после того как эта победа политически достигнута и военным образом закреплена,— теперь эта победа должна быть достигнута в области организации народного хозяйства, в области организации производства, в области всенародного учёта и контроля." (Там же, стр.131.)

Самоочевидно, однако, что общественно-производственный организм, - который, поскольку он существует, обязательно "закругляется" в некую целостность, пусть не вполне гармоничную, - совсем без обратных связей обходиться не может, и если временно не удается отладить "линию связи", соответствующую высшему, революционно-перспективному социоструктурному принципу, эта недостаточность будет вынужденно компенсирована оживлением экономико-институциональных приспособлений, обслуживающих функцию "обратного замыкания" при прежнем строении экономического базиса. (Собственно, это и произошло у нас при введении нэпа.)

г/ Следует теперь уточнить, с какой формой собственности на средства производства какие механизмы "обратной связи" сопряжены.

Механизм, обеспечивающий "обратную связь" в условиях, когда сущностным ядром общественно-экономического базиса выступает отношение "рабочая сила", - это рынок: рынок экономических факторов в материально-производящей сфере и "рынок власти" на уровне политico-правовом (т.е., парламентарно-"плуралтистическая" система межпартийной конкуренции путём "свободных выборов").

Механизм "возвратного замыкания" ("обратной связи"), работающий "в паре" со структурно-политическим принципом "творческой способности", - это массовая критика снизу: величайшее, пожалуй, во всю "послеленинскую" эпоху философско-правовое и экономико-философское достижение новаторской научно-коммунистической мысли.

Может быть, не помешает подробнее удостовериться, что "kritika снизу" - одновременно и отличная, безукоризненно "заземляемая" конкретизация курса на поголовную вовлечённость трудящихся в управление (на "управление посредством положительного примера"), и столь же безукоризненная расшифровка представления о труде как творческой самоотдаче (а не затрате "рабочей силы").

Адекватность "kritiki снизу" политico-управленческой программе "поголовной демократии" практически очевидна:

"... что требуется для того, чтобы развязать силы и способности рабочего класса и вообще трудящихся и дать им возможность приобрести навыки к управлению страной? Для этого требуется, прежде всего, честное и большевистское проведение лозунга критики снизу недостатков и ошибок нашей работы. Если рабочие используют возможность открыто и прямо критиковать недостатки в работе, улучшать нашу работу и двигать её вперёд, то что это значит? Это значит, что рабочие становятся активными участниками в деле руководства страной, хозяйством, промышленностью."^х

С представлением же о труде-творчестве концепция "массовой критики" объединяется через картину творчества как непременного обновления, усовершенствования, внесения освежающего "диалектического беспокойства"; но новое редко воцаряется безболезненно, - правилом здесь является борьба нового со старым, указание на ущербные стороны и отжившие, омертвевшие моменты старого, а это, собственно, и есть kritika.

Мы воспользовались бы случаем подчеркнуть, здесь, что в марксистской социально-философской теории "творческая одарённость" считается не исключительным, но естественным состоянием человека, естественной его "нормой"; "творчественность" подхода к окружающему - категория общественно-историческая; творческая ("авангардная",

^{х/ И.В.Сталин. Соч., т.11. Госполитиздат, М., 1952, стр.37.}

заслуживающая разумного подражания) жизненная позиция - позиция не чрезвычайная, а надлежащая, подобающая общественному индивиду, и поголовная возможность избрать именно такую позицию должна быть гарантирована общественным строем. Стёртыми, обезличенными людьми делаются не роковые "биологические" предпосылки, а недоразвитые общественно-экономические и общественно-политические условия; если гражданин способен взглянуть на происходящее вокруг, на свои профессио-нальные занятия, на политическую обстановку свежо, критически, под каким-то нестандартным, "неинерционным" углом, если он способен воспротивиться упущениям и регressiveным тенденциям в какой-либо области, а постольку подтолкнуть её вперёд, - это и значит, что он талантлив, других определений человеческой талантливости нет. В государстве, где "неконформистское", заинтересованно-критичное поведение узаконено (и всесторонне гарантировано) как конституционное право граждан, все граждане талантливы, "бездарны" лишь те, кто своими конституционными гарантиями пренебрегает по доброй воле. Способности, таланты выявляются и возвращаются не "тестами", не "дифференцированным воспитанием", а здоровой, конструктивно-гуманистической экономической и правовой средой.

д/ Структурно-политический "разрез" социалистической фазы коммунизма выглядит, - подводя некоторые итоги, - следующим образом: здесь одновременно, вынужденно взаимодействуют и противоборствуют базисные принципы "рабочей силы" и "творческой способности";

принцип "рабочей силы" всемирноисторически уже надломлен, потерпел "стратегическое политическое поражение" и проходит специфичную в диалектике стадию "ложной абсолютизации", когда он до известной степени утраивается, перед тем как быть окончательно ниспревергнутым^x; на надстроечном уровне ему соответствует отмирающая, в перспективном смысле, система представительно-демократических учреждений;

принцип "творческой способности" всемирноисторически победил, совершил, - как учит В.И.Ленин, - великий политический переворот, но экономически переворот этот ещё не вполне "переварен" (что обнаруживается, естественно, и в заметной политической непрояснённости); на надстроечном уровне отношению "творческая способность" соответствует характерная, уникальная в истории организация управления через "авангард трудящихся", партию (управление "убедительностью примера").

Можно видеть, затем, что обоим принципам ("формам собственности на средства производства") отвечают фундаментально-различные конструкции "общественной обратной связи"; "рабочая сила" подразумевает функционирование в качестве обратной связи рынка, овладение же средствами производства через "творческую способность" трудящегося требует обратной связи совсем другого, сложнейшего рода: массовой критики снизу.

Между тем, чтобы "рабочая сила" не возобновляла неустанно "парную" к ней, в общественно-историческом плане, категорию "капитала",

х/ Ср. у Гегеля:

"Наивысшая зрелость и наивысшая ступень, которых что-либо может достигнуть, это та, на которой начинается его гибель." (Г.В.Ф.Гегель. Наука логики, т.3. "Мысль", М., 1972, стр.47.)

Советская власть должна была уничтожить рынки всех поддающихся капитализации производственных факторов: земельный, инвестиционный, кредитно-финансовый, а в первую очередь, конечно, рынок самого труда. Сфера действия рыночно-товарных отношений оказалась, к определённому моменту, "ограничена предметами личного потребления"; при этом предполагали небеспочвенно, что социалистическое товарное производство, поставленное в вышеочерченные рамки, не сможет переродиться в производство капиталистическое и какое-то время будет добросовестно обслуживать, вместе со своим "денежным хозяйством", интересы укрепления и развития нового общественного строя, новой общественно-экономической формации.^{x)}

Сужение "компетенции" рынка до распределения потребительских благ, бесспорно, предоставляло весомые гарантии против реставраторских попыток, но надо учитывать, со всей трезвостью, и другую сторону вопроса: что тем самым общая "сумма обратных связей" в экономике получилась колоссально сокращена, а это не могло не отражаться, причём в неуклонно увеличивающемся объёме, на гибкости, быстроте реагирования, управляемости и - в результате - на эффективности народнохозяйственного организма.

С запретом фракционной деятельности в партии, - какой запрет воспоследовал при жизни ещё В.И.Ленина, - у нас прекратил существование и рынок власти. Мера эта, по своей тогдашней уместности и стратегической дальновидности, никаких сомнений не вызывает, ибо она лишила "рыночный отсек" нашего базиса адекватного политико-институционального оружия и основательно спутала карты реставраторски настроенным общественным прослойкам (достаточно вспомнить, сколь ожесточённые попытки возродить межфракционное, - а по существу межпартийное, - "свободное", манипулятивно-демократическое" соперничество предпринимались вплоть до второй половины 30-х годов). Мера правильная, но и здесь необходимо разглядеть, опять-таки, что политico-"плюралистический" механизм (политический рынок) - не просто потенциально-регressiveный институт, несовместимый с пролетарской диктатурой, он нес (или предназначался нести) серьёзнейшую нагрузку "обратного замыкания" в политической области и его устранение нужно было компенсировать, практически немедля, крупными шагами по проектировке каких-то новых "политических коммуникаций", которые не уступали бы ему в оперативности.

События, в общих-то чертах, именно так и начали развертываться, поскольку программа "критики снизу" оформилась, под натиском анти-бюрократизировавшегося бюрократизма, уже в двадцатые годы.

"Если бы дело шло только о старых бюрократах, - говорил И.В.Сталин на VIII съезде ВЛКСМ, - борьба с бюрократизмом была бы самым лёгким делом. Дело, товарищи, в новых бюрократах, дело в бюрократах, сочувствующих Советской власти, наконец, дело в бюрократах из коммунистов. Коммунист-бюрократ - самый опасный тип бюрократа. Почему? Потому, что он маскирует свой бюрократизм званием члена партии. А таких коммунистических бюрократов у нас, к сожалению, немало."

"Чем объясняются ... позорные факты разложения и развала нравов в некоторых звеньях наших партийных организаций? Тем, что монополию партии довели до абсурда, заглушили голос низов, уничтожили внутрипартийную демократию, насадили бюрократизм. Как бороться против этого зла? Я думаю, что никаких других средств против этого зла,

x/ См. И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр.17.

кроме организации контроля партийных масс снизу, кроме насаждения внутрипартийной демократии, нет и не может быть. Что можно возразить против того, чтобы поднять ярость партийных масс против этих разложившихся элементов и дать им возможность гнать в шею такие элементы?"

"Было бы ошибочно думать, что опытом строительства обладают лишь руководители. ... Миллионные массы рабочих, строящие нашу промышленность, накапливают изо дня в день громадный опыт строительства, который ценен для нас ничуть не меньше, чем опыт руководителей. Массовая критика снизу, контроль снизу нужен нам ... для того, чтобы этот опыт миллионных масс не пропадал даром, чтобы он учитывался и претворялся в жизнь."^{х)}

События начинали разворачиваться так, но что получилось в дальнейшем, надо разобрать внимательнее.

III

Социалистический период в развитии коммунистической общественно-экономической формации характерен, - как видим, - взаимоналожением и скрытым противоборством двух базисных, общественно-структурирующих принципов (принципов соединения труда со средствами производства): "творческой способности" и "рабочей силы", причём существеннейшим недостатком этого уклада выступает опасная "усечённость" обратных связей в народном хозяйстве и в политической жизни, поскольку прежние, рыночно-товарные рычаги закономерно и значительно заторможены в своих проявлениях (конкурентный механизм коррекции власти вовсе упразднён), а новая система "возвратного контроля", также закономерно, требует определённого времени, чтобы приобрести более или менее твёрдые и действенные очертания.

а/ Структурная динамика низшей, формально-эгалитарной фазы коммунистической революции, в результате, такова:

в первую очередь, безусловно, надо обеспечить социалистической собственности на средства производства (отношению "рабочая сила") преимущественную, доминирующую роль в обществе, - обычно этот отрезок подпадает под определение "перехода от капитализма к социализму", "построения социализма в основном";

параллельно утверждению социалистической собственности ("рабочей силы") и особенно после её полного возобладания будет развертываться подспудное противостояние уже между ней и более высоким мироприсвоенным началом "творческой способности", - которое, как выражение и объективная гарантия коммунистической направленности всего процесса, не где-то "посередине" к нему подключается, а присутствует в революционной эпохе пролетариата от самых её истоков.

Стадии, которая реально соответствовала бы предполагаемому "развитому социалистическому обществу", в этой "забытой" марксистско-научной картине эволюционирования социализма, как и следовало ожидать, решительно не обнаруживается.

^{х/ И.В.Сталин. Соч., т.11. Госполитиздат, М., 1955, стр.71, 73-74.}

Сразу же, как только восторжествует окончательно "формальное равенство", социалистическое устройство окажется в напряженнейшей переломной точке, — неизбежность прохождения которой отнюдь не отменяет остроты возникающей здесь ситуации: обратные связи в экономике редуцированы до минимума, а в политической сфере, — если не предпринимать шагов к узаконению массового критического контроля, — совсем рискуют "повиснуть на волоске", поскольку при однопартийном правлении институт "выборов", в его "традиционном исполнении", внутренне-неэффективен, и это довольно скоро выявится.

Момент этот отчётливо "наклёпывался" у нас, приблизительно, на рубеже 30-х — 40-х годов; его отерочили война и послевоенное восстановление народного хозяйства. Сплошённость, нравственно-политическое единство, героический энтузиазм народа перед лицом смертельной угрозы достигли тогда столь пронзительной высоты, что какое-то время возможно было ещё управлять, и с бесспорным успехом, путём "коммунистического веления", "непосредственных велений пролетарского государства"^х), директив, которые жёстко контролировались управляемым центром, но особо дотошному "низовому" исследованию (а тем более малейшему противодействию, пусть легальному и критически-обоснованному) явно не подлежали.

С возвращением же на рельсы мирного хозяйственного строительства вопрос о налаживании в стране регулярной, вездесущей, структурно-оформленной системы экономических и политических "замыкающих коммуникаций" поднялся во весь рост, о чём свидетельствовало как интенсивное планово-управленческое экспериментирование, так и неутихающие теоретические дискуссии по ключевым проблемам марксистской политической экономии.

Альтернатива вырисовывалась такая:

или перевес будет на стороне социопроизводственного (базисного) комплекса "рабочей силы", — тогда произойдёт поворот к рыночным приёмам хозяйствования, можно предвидеть попытки "дополнить" товаропотребительский рынок рынками капитальных факторов производства, вплоть до слегка завуалированного рынка труда, присутствующий в нашей политико-правовой структурности "теневой контур" буржуазного государства без буржуазии получит не нужный "жизненный импульс", снова воспрянет — с удвоенной энергией — бюрократизм.

"Стратегическая перспектива" здесь явственно уводит к реставрации капитализма. Ведь если в нэповскую эпоху "отступление к рынку" было продиктовано необходимостью предотвратить классовую, структурно-политическую катастрофу — раскол между пролетариатом и крестьянством, то в наши дни (да и много раньше), когда союз рабочих и крестьян сделался прочным базисным фактом, трудящиеся уже классово не заинтересованы в рыночной организации контрольно-учётных связей (в культивировании отношений "формального равенства"), и единственной общественной группой, продолжающей цепляться за "рабочую силу", за пережитки буржуазной государственности и права, становится перерожденчески, элитаристски настроенная часть технобюрократической верхушки.

Соображение это чрезвычайно важно и заслуживает большего внимания, нежели ему нынче уделяют; мы специально его повторим, а вообще-то о нём следовало бы незамедлительно вспоминать всякий раз, едва лишь начинают нам втолковывать, якобы кратчайший путь к коммунизму пролегает через всемерное расширение рыночного, стоимостного регулирования:

^{х/} См. В.И.Ленин. ПСС, т.44, стр. соотв. 165, 151.

нельзя слепо воспроизводить экономико-политические решения прошлого, даже самые впечатляющие; конкретный классово-исторический анализ показывает, что сущностным, базисным оправданием широкой "апелляции к рынку" в социалистических условиях может быть только разлад, временное нарушение, опасность утраты экономической смычки между крестьянством и рабочим классом; по достижении же рабоче-крестьянского экономического союза вновь делать ставку на товарно-денежные отношения значит не коммунизм строить, а потрафлять тем элитаристским элементам в системе власти, которые "буржуазному государству без буржуазии" хотели бы придать вполне реальную буржуазно-бюрократическую "начинку".

б/ Сдвиг, который можно было бы признать действительно коммунистическим решением проблемы, имел (и имеет) радикально иной вид:

надо "заземлить" подлинно-коммунистическую тенденцию в развитии нашего базиса, т.е. тенденцию становления "творческой способности" ведущей "формой собственности", ведущим базисным отношением, а с этой целью, прежде всего, институционализировать соответствующие ей "каналы обратной связи" - массовое гражданское и политическое волеизъявление по типу "критики снизу".

Сегодня у нас массовое "участие во власти", единственно общедоступный и общеобязательный, в некотором смысле, механизм властино-управленческого волеизъявления выглядит как участие в выборах; но никому не секрет, что это структурное наследие "политического рынка" безнадёжно устарело, по существу профанировано и не обеспечивает рядовому гражданину возможности сколько-нибудь эффективно влиять на политическую (в том числе, естественно, и на хозяйствственно-политическую) ситуацию в стране. А допущение, будто граждане посредством выборов реализуют себя как суверенные, государственно-весомые личности, звучит вообще насмешкой.

Между тем, это весьма предосудительная и рискованная вещь, - удерживать в социалистическом государстве такую процедуру назначения, смещения и коррекции действий властино-ответственных лиц, посредством которой подавляющее большинство рядовых трудящихся - главная производительная сила общества - не в состоянии выразить себя в качестве субъекта. С этим политически-ненормальным положением необходимо оперативнее кончать (а не затягивать его под наименованием "развитого социализма"). Массовой, "общеобязательной", типичной схемой политического самоутверждения должно стать конструктивно-критическое "собственное мнение" каждого (по любому общественно-значимому вопросу), направленное на улучшение дела и институционально учитываемое таким образом, чтобы оно, будучи в определённом порядке высказано, не могло далее заглушаться или вовсе отбрасываться и открывало автору критического суждения гарантии непосредственного, "неигнорируемого" субъектиного вмешательства на любом уровне осуществления функций руководства и власти.

Стоило бы припомнить, насколько ожесточённая и бескомпромиссная борьба кипела некогда, - при повсеместном воцарении парламентарной демократии, - вокруг всеобщности избирательного права; но ведь это именно и было стремление "универсализовать", "возвести в политический абсолют" такую форму волеизъявления индивида, на массовости которой лишь и мог основываться парламентаризм. Сейчас перед нами аналогичная задача: сделать массовидной исторически-новейшую и прогрессивнейшую структуру личностного волеизъявления, когда общественно-сознательный гражданин, в принципе, выступает не покупателем на рынке готовых политических концепций, а как субъект самого про-

цесса их выработки.

Сжатые размеры настоящего нашего исследования не предусматривают углубления в политico-процедурные детали институционализации "критики снизу", и мы здесь заниматься этим не будем; лучше характеризуем вкратце некоторые более общие зависимости, существенные с точки зрения целостного, проясняющего охвата всей затронутой нами проблематики.

Социоструктурный переход ко всемирноисторически-новому способу трудового и общественно-политического самовыражения массового производителя, вне всяких сомнений, даст мощнейший толчок возрастанию нашей "материально-технической части", - поскольку ведь переход этот окажется громадным базисным усовершенствованием, которое качественно приумножит (а кое-где и попросту раскрепостит) организационно-управленческую, изобретательско-техническую и прочую народную инициативу. Следом за инженерно-технической активизацией (если она получится достаточно энергичной) начнет методически сокращаться область Функционирования, в нашем общественном производстве, труда как "рабочей силы". Механически-"несамоцельные" разновидности производственной деятельности, выполнение которых не приносит человеку жизненного удовлетворения, будут неуклонно и бесповоротно передаваться "в распоряжение" машин, а затем безмашинных технологических процессов (безмашинная технология, собственно, и есть адекватный "инженерный облик" экономики коммунизма). Сокращение же "поля применения" рабочей силы (при одновременном резком, качественном повышении эффективности производства) - столбовая дорога к "самоликвидации" товарно-денежных отношений: меновая стоимость, - как Маркс и предвидел, - "перестает быть мерой стоимости потребительной"^{x/}, вещественные блага "друг за другом" перемещаются в разряд бесплатных, а это и значит распределяемых по потребности, по логике материального изобилия.

в/ С немалым сожалением надлежит констатировать теперь, что ничего этого, ни единого среди возможных (и остро-необходимых!) благотворных преобразований так по сию пору и не произведено. В начале 50-х годов И.В.Сталин с великолепной "критической" волей предвоенных политico-философских исканий сбылся на "продуктообмен", - который, будь он испробован, наверняка лишь осложнил бы "базисную напряженность", уже тогда совершенно явственно приступившую. Следующие же десятилетия ознаменовались вообще кардинально- ошибочным выбором в пользу всесторонней рекультивации исторически-бесперспективного круга социопроизводственных отношений, ориентированных на "рабочую силу" и на "фабричное равенство" в политике, заведомо чреватое бюрократическим элитаризмом.

Содержавшееся в Программе КПСС, - которая была принята XXII съездом партии, - обещание построить подобными путями в СССР к 1980 году "в основном" коммунистическое общество, оказалось, разумеется, невыполнимым, и как только опрометчивость провозглашений такого рода сделала ясна, на сцену выдвинулся призванный теоретически оправдать происшедшее "развитой социализм".

x/ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.46, ч.II, стр.214.

Социальная функция меновой стоимости заключается единственno в том, чтобы служить измерителем и регулятором затраты "рабочей силы" в обществе. Стало быть, если общественный трудовой потенциал начинает затрачиваться в какой-либо иной форме (в форме "творческой способности"), всякие причины к дальнейшему сохранению товарно-денежного обмена в народном хозяйстве полностью отпадают.

Спрашивается, - а что же, всё-таки, произошло в действительности?

В действительности, как результат классово-несостоительного "базисного выбора", развернулась не выдуманная "перестройка совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму колективистских началах"^x), но бюрократически-элитарная, буржуазная по своей классовой тенденции эрозия социалистического уклада в нашей стране в некую разновидность государственного капитализма, когда государство-"синдикат" реально, а не только иносказательно, пытается утвердиться в роли монопольного "группового собственника" средств производства, распоряжающегося ими в узко-кастовых, практически антагональных интересах.

В 1965г. порочнейший этот процесс широко подтолкнула "хозяйственная реформа", - навязав социалистической экономике методологию построения цен, скопированную с буржуазно-предпринимательской "цены производства". Метод присоединения, в структуре цены, дохода к себестоимости пропорционально овеществлённому труду (постоянным фондам) фактически воскрешал, - неизвестно зачем, - на нашей общественно-экономической почве схематику, по которой "срабатывает" капиталистическая прибыль, а вместе с этим буржуазно-апологетические "научные" домысли, якобы средства производства, помимо прилагаемого к ним живого труда, могут "приносить доход", служить "автономным", "независимым" источником обогащения их владельца. Между тем, - как давно продемонстрировано марксизмом, - отношение "прибыли" отнюдь не является неким самостоятельным каналом поступления богатства, оно есть лишь объективно возникающий инструмент перераспределения общественного продукта к выгоде капиталистических собственников, чтобы таким образом поощрялось наращивание производства в условиях частнопредпринимательского хозяйствования.

Социализму, - как нетрудно понять, - подобные "стимулы" всецело чужды, поскольку здесь главным двигателем общественно-производительной активности является не алчность капиталовладельца (или какого-нибудь самозванного "псевдокапиталиста"), а творческая заинтересованность самих масс в созидании более совершенного общественного строя. Манипуляции вокруг несуществующей "прибыльности фондов", отсюда, не могли привести (и на деле не привели) к каким-либо позитивным, освежающим переменам в стиле функционирования народного хозяйства, но только открыли шлюзы "бюрократическому извращению" и втянули социалистическую государственность в изматывающий, изнурительный многолетний поединок с этим злом, с упорными попытками придать ей пагубные черты "совокупного псевдоэксплуататора".

г/ Самая крупная, пожалуй, неприятность постигла при этом общественно-экономические и общественно-политические обратные связи, поскольку внутренняя сопротивляемость системы бюрократически-элитаристским домогательствам не позволила воссоздать "в требуемом масштабе" (на уровне главных производственных факторов) рыночную регулировку, - каковое ограничение делает комплекс отношений "рабочей силы" малоэффективным. Со своей стороны, бюрократизм также "не остался в долгу" и намерто застопорил налаживание обратных связей, обслуживающих трансформацию социалистического базиса по линии "творческой способности".

х/ См. Л.И.Брежнев. Исторический рубеж на пути к коммунизму. "Правда" от 23 ноября 1977г., стр.1.

Стало быть, — если методично, добросовестно во всём разобраться, — когда нам говорят о "развитом социалистическом обществе" как о непреодолимо-закономерной, неизбежной "длительной полосе на пути от капитализма к коммунизму", этим подразумевается, фактически, следующее:

любая страна, вступившая в период революционного пролетарско-коммунистического миропреобразования, по утверждении в ней социалистического "фабричного равенства" неизбежно(!) должна попасть, — вместо перехода ко второй фазе коммунистического строительства, — в обширную полосу буржуазно-бюрократического реставраторства и ренегатства, на протяжении которой рабоче-крестьянская государственность структурно "попадает", деградируя в государство — "совокупного капиталиста" (государство-«фирму»), причём всякие рациональные обратные связи в общественной целостности, — как по рыночно-«объектному», так и по субъектному принципу, — окажутся почти полностью нарушены.

Можно вдобавок уточнить, что при этом замедлятся темпы экономического роста, начнёт раскручиваться инфляционная спираль, объём "незавершёнки" перехлестнет за восемьдесят процентов, в народном хозяйстве возникнут (или резко обострятся) проблемы систематического падения качества продукции, невыполнения государственных планов в номенклатуре, недоиспользования основных фондов, общепроизводственной "нерасторопности", неоперативности и расточительности, перебоев в снабжении населения продовольствием; обнаружатся застойные явления в научно-инженерном развитии, провоцирующие неизбежную зависимость от технологического импорта.

Совершенно очевидно, — подытоживая вышесказанное, — что никаких таких "закономерностей" и неотвратимых "длительных полос" быть не может и их в действительности нет, реально же имеется тяжёлый и достаточно драматический срыв в надлежащем коммунистическом эволюционировании советского общества, — срыв, который много лет подряд поистине сводит насмарку усилия и нашего народа, и запутывает наших союзников в Восточной Европе, подменяя стагнациональными ренегатскими фантазиями конструктивную, динамичную классово-политическую ориентацию еще сравнительно молодого там социализма.

Важнейшая задача, которую "развитой социализм" поставил перед прогрессивной марксистской мыслью, — не выдумывать способы, как его "построить" (развязите руки технобюрократам, и они у вас в считанные годы "выстроится" сам!); важнейшая задача — убедительным научным, коммунистически-партийным анализом обеспечить, чтобы после нас уже ни одно государство трудящихся в эту прискорбную "длительную полосу" не угодило.

Следует категорически отклонить, — как научно-безосновательные, — уверения, якобы пребывая при "развитом социализме", мы "одновременно" вступаем в коммунизм.^{x)}

^{x/} "... познание и использование всех возможностей развитого социализма, — пишет Л.И.Брежнев, — есть одновременно и переход к строительству коммунизма. Иначе говоря, диалектика развития здесь такова, что по мере совершенствования зрелого социалистического общества и происходит его постепенное перерастание в коммунистическое. Отделить эти два процесса, провести между ними разграничительную черту невозможно." ("Правда" от 23 ноября 1977г., стр.1.)

Марксистская диалектика, - к которой совсем некстати адресуется здесь Л.И.Брежнев, - учит, что качественный, сущностный сдвиг в общественно-экономическом базисе (каковым, безусловно, является подъём от первой ко второй фазе коммунизма) - это не стихийный, "автоматический" процесс, а всегда сознательный акт политической, революционно-классовой воли. Структурно-политические (базисные) устои общества не меняются "сами": нельзя, находясь при феодально-абсолютистской монархии с крепостным правом (да еще "используя все её возможности"!), незаметно, "постепенно" оказаться в буржуазно-демократической республике. Социализм, конечно, отнюдь не столь жёстко противостоит высшей фазе, но различие между ними, всё-таки, - структурного (качественного), а не количественного характера ("громадное", по В.И.Ленину^х); поэтому и в данном случае нельзя утверждать, будто "познание и использование" закономерностей формального равенства автоматически, "одновременно" переносит нас в сферу равенства фактического. Можно в государстве иметь тот или другой базисный уклад ("фабрично"-эгалитарный или фактически-эгалитарный), но, культивируя сверх необходимых пределов "фабричную" уравнительность и не предпринимая специально, осознанно никаких шагов к учреждению фактического ("творческого") равноправия, надо оставить разговоры об "одновременном" присутствии на высшей ступени коммунистической общественно-экономической формации. Между собою два этих базисных состояния, два "фарватера" базисной динамики (консервирование "фабричного равенства" - и широкая социально-политическая программа его преодоления) разграничиваются, - вопреки мнению Л.И.Брежнева, - вполне чётко, ибо в конце одного помещается дегенеративное государство-"супермонополист", а в конце другого - поголовно-управляемая коммунистическая община. Мы сказали бы даже, что не проводить разграничительной черты между этими двумя процессами - серьёзнейшая ошибка, какую только способен допустить в нынешних условиях коммунистический идеологический лидер.

IV

Вкратце проанализируем, наконец, насколько продуктивна (и продуктивна ли вообще) установка на " зрелый социализм" с точки зрения подошедших вплотную к "социалистическому выбору" высокоразвитых буржуазно-демократических стран.

В странах этих практически завершена индустриализация, развёртывается процесс, который применительно к нашим условиям именуют "комплексной механизацией и автоматизацией производства". "Мерзости капиталистической эксплуатации", вытравливание которых В.И.Ленину представлялось главной (и по существу единственной) причиной сколько-нибудь продолжительного функционирования, в новом обществе, формально-эгалитарного государства- "сициката", - "мерзости" эти в значительнейшей степени уже выкорчеваны, как итог непрекращающейся полуторастолетней борьбы рабочего класса за очеловечивание своего жизненного уровня. "Стандарты" общественно-экономические в торговле рабочей силой повсюду весьма внушительные, и bla-

^{х/} См. В.И.Ленин. ПСС, т.33, стр.98.

госостояние трудящихся, по сравнению с тем пролетариатом, который выступил драматичным "коллективным героем" Маркса "Капитала", находится, бесспорно, на качественно иной высоте.

В сущности, имеются все основания утверждать, что сейчас там исчёрпали себя не просто капиталистические рамки реализации отношения "рабочая сила", но само это отношение как таковое, включая и возможный социалистический, фабрично-уравнительный его вариант.

а/ В наиболее богатых буржуазно-демократических сообществах Запада практически "выжаты" иные все возможности материального благоустройства на базе "рабочей силы", и недовольство широчайших слоёв трудящихся возбуждается уже не столько непосредственными материальными лишениями, сколько самой структурой затрат труда и распределения продукта, при которой внешнее процветание нации неотступно сопровождается ростом общественных контрастов, возникновением и распространением новых (если допустимо о бедствиях человеческих говорить, что они "новы"), неожиданно-уродливых форм нищеты, "отверженности", общественной неприкаянности, а на другом - благополучном, казалось бы, - полюсе жизнь людям отравляет разлагавший, цинично-потребительский утилитаризм. Становится всё яснее, что дело не в условиях продажи "рабочей силы", а в непоправимой объективно-исторической устарелости, "атавистичности" этого общественного отношения, в его внутреннем несоответствии развивающему стремлению человека раскрыть и утвердить себя как разностороннюю, гражданско-сознательную творческую индивидуальность. Сколь выгодно "рабочей силой" ни торгуй, она не перестает от этого быть лишь "вещью", манипулятивной характеристикой своего носителя, и чем прочнее индивид укореняется в общественно-экономической действительности именно в качестве "рабочей силы", тем фатальней он запутывается в бесчисленности разных "вторичных" хитросплетений, которые иезуитски "конкретизируют" ту основную червоточину, что он с самого начала вступил на производственное поприще не как личность, а как предмет.

С особой остротой и напряжённостью это манипуляторство капитала, эта его поистине перманентная нацеленность на истребление в трудящемся всего "личностного", самосознательного, на превращение рядового производителя в пешку, в "объект", - с особой остротой это обнаруживается сегодня в политической области, вследствие чего и "раскалилась" до такой степени на Западе проблема "прав человека".

Мы заметили бы, кстати, что она ведь является и центральной проблемой коммунистической революции, ибо "скакок из царства необходимости в царство свободы", заключающий в себе суть коммунизма, вне всяких сомнений, есть грандиознейший "правовой прорыв", который когда-либо совершало человечество; постольку, когда о ней у нас рассуждают в необъяснимо-пренебрежительном тоне, употребляя выражения "пресловутая", "так называемая" и пр., - этим мы отнюдь не проливаем света на задачи, стратегию и тактику мирового коммунистического движения, но лишь вносим разброс и отталкиваем от коммунистической идеологии подлинно-мыслящих людей.

Сказанное по поводу неадекватности отношения "рабочая сила" всестороннему развитию способностей (каковое развитие научный коммунизм всегда считал "призванием и назначением всякого человека"), - сказанное в полной мере касается не только оперирования

х/ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3, стр.282.

"рабочей силой" по законам "вольного рынка", но и её государственно-опекаемой социалистической модификации. Социалистический "фабричный" эгалитаризм, - как исчерпывающее подтверждено опытом, - за пределами предусмотренной В.И.Лениным "чистки общества от гнусности и мерзости капиталистической эксплуатации" никакой иной, более позитивной общественно-исторической роли сыграть не может. С нынешним "усовершенствованным" капиталистическим строем, - который, под напором классовой борьбы пролетариата, от "гнусности и мерзости" во многом очистился сам, - фабрично-уравнительному коммунизму нынешней фазы (если на нём излишне застrevают) соперничать очень трудно, и опыт показывает, опять-таки, что вместо успешного соперничества "перезревший" фабрично-социалистический уклад в этой ситуации начинает структурно деформироваться, уподобляясь своему буржуазному "конкуренту", причём в его наихудшей, государственно- "тоталитарной" разновидности.

б/ Можно (по всей видимости, и необходимо) теперь заключить, на основании разобранного материала, что высокондустриализованные страны Запада, при своей неизбежно предстоящей "интеграции" в мировой коммунистически-революционный процесс будут "подсоединяться" к нему, по существу м и и у я, почти целиком, фабрично-эгалитарную фазу, - а именно, в той точке, где общественная собственность на средства производства начинает стабильно, уверенно обслуживать- ся субъектным, но не рыночным принципом обратной связи (принципом "творческой инициативы трудящихся").

Социализированные, обобществлённые средства производства плюс "массовая критика снизу" (массовая критически-творческая инициатива), - вот, пожалуй, сегодня единственная правдоподобная структурная формула "антикапиталистической революции" в современных мощных буржуазно- "индустриалистских" демократиях.

Следует здесь коснуться, в нескольких словах, общей программы социалистических преобразований, выдвигаемой некоторыми активными и влиятельными западноевропейскими компартиями.

"... на повестке дня классовой борьбы во Франции, - говорил, к примеру, И.Марш на Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы в 1976г., - стоит вопрос о необходимости глубоких демократических реформ, цель которых - позволить нации стать хозяином своего экономического и социального развития путём национализации крупных монополий ..."

"Социализм, за который мы боремся, будет глубоко демократиче- ским, поскольку в его основе будет лежать общественная собствен-ность на основные средства производства и обмена ..."^Х

Сама по себе, - как мы неоднократно слышали от классиков и все-сторонне убедились на опыте, - общественная (точнее, пока государственная) собственность на средства производства никакого особо глубокого демократизма создать не в состоянии: она есть, всего лишь, система формального (фабричного) равенства с "буржуазным го- сударством без буржуазии", - которое на сей этапе развития вряд ли покажется тем же французским трудящимся сколько-нибудь привлекательнее, нежели имеющееся у них налицо буржуазное государство "с буржуазией".

Судя по всему, - далее, - в качестве решающей демократической гарантии предусматривается сохранение многопартийности и обретение

х/ "Правда" от 3 июля 1976г., стр.4. Курсив мой.- Т.Х.

государством "светского, неидеологического характера".^{x)}

Между тем, самая механика функционирования крупной обобществлённой промышленности несовместима с частными (к тому же в большинстве своём конъюнктурными) колебаниями политического курса, она требует "единовластия", и государство, в котором обобществят средства производства, будет не "светским и неидеологическим", но коммунистически-монопартийным, - или там вовсе никакой национализации (следовательно, и никакого социализма) не состоится.

Мы в предыдущем изложении охарактеризовали уже пролетарский "политический монизм" (однопартийность) как институциональный фундамент становления коммунистического самоуправления (поголовной, творчески-личностной демократии), поэтому не считаем уместным опять доказывать здесь, что "бояться" однопартийности не надо; но она - и вот это мы всячески подчеркнём - обязательно должна работать со своим "контрольным принципом": не с рыночно-групповым, при котором у казённого пирога конкурируют между собой все возможные "элиты" и "миниэлиты", а с субъектным, когда разумная причастность к управлению доступна каждому, и таким образом именно масса сама делается полновластным распорядителем, хозяином производственных фондов и прочего общественного богатства.

в/ Стало быть, - всего бы резонней вышло, если бы мы сейчас (раз уж мы дальше других в этом направлении заглянули и больше других здесь "намикались"), - если бы мы ввели у себя "критику снизу" и продемонстрировали миру, как работает "монопартийное", централистское экономико-политическое устройство не с чужеродным, а с надлежащим, со своим "единокровным" механизмом обратной связи. Можно не сомневаться, что образец оказался бы достаточно впечатляющим, и эту-то организацию обобществлённого производства, которая у нас в результате возникла бы, мы получили бы заслуженное право рекомендовать нашим братьям по классу во всех уголках земного шара как действительно-закономерную, естественную и позитивную стадию борьбы за повсеместное и окончательное воцарение коммунизма на нашей планете.

Абстрактно же провозглашаемый лозунг обобществления средств производства, - если он не подкреплён тщательным "структуродинамическим" (диалектическим, иными словами) анализом современной общественной собственности, законов и этапов её коммунистической "коисolidации", не исключая подстерегающих здесь тупиков, и в особенности если не решён вопрос обратных связей в системе, - абстрактный лозунг обобществления, при таких предпосылках, нынче совершенно измил себя.

В отсутствие ясных понятий о том, какого рода контрольными связями будет обеспечиваться национализированный крупнопромышленный организм, как сделать трудящуюся массу фактическим, но не декларативным только властелином своего нового достояния, широкая национализация в экономически-продвинутом западноевропейском государстве обернётся, в лучшем случае, неудачным экспериментом, а в замутняющим социалистические идеалы, а в худшем - хозяйственной и политической катастрофой, которая может закончиться правым мятежом "чилийского" типа.

^{x)} См., хотя бы, выступление на упомянутой конференции Э.Берлингера. ("Правда" от 3 июля 1976г., стр.3.)

Мы, однако, хорошо видели, что концепция "зрелого социализма" в данном аспекте никому ничем содействовать неспособна, ведь она не только не занимается проблемами базисного формирования коммунистического уклада, но осознанно, изворотливо этой проблематики избегает. Мудрёного ничего тут нет, поскольку прямая постановка вопроса о переходе от скрыто элитарной "фабрично"-равноправной системы к равенству "поголовному" не в интересах бюрократически-стяжательской "элиты", которой временно удается паразитировать, искусственно продлевая "фабричную" фазу, уже давно не отвечающую, и в нашей стране, реальным потребностям коммунистического развития. Следовательно, и в своих беспочвенных претензиях на амплуа некоей интернационально-значимой доктрины "зрелое социалистическое общество" должно быть решительно отвергнуто, - как стагнационная, девориентирующая теория, выражаящая не коммунистическую перспективу в сегодняшней общественно-исторической жизнедеятельности народных масс, но лишь вожделения временных мелкобуржуазных "попутчиков" пролетарской революции (по-ленински говоря, "примазавшихся"), которые, вплоть до победы фактически-уравнительных, подлинно колlettivistских производственных отношений, не оставят попыток зацепиться за бюрократическую извратимость, эту "структурную болезнь" раних, низших ступеней восхождения к коммунизму.

г/ В параграфе "б" третьего раздела мы указывали, что не можем углубляться здесь в подробности институционализации "массовой критики снизу", но всё-таки, - пусть в самых беглых чертах, - этого придётся коснуться, дабы не создавалось впечатления, будто поголовное (непосредственно-демократическое) правление и всецело "творческий" статус участников общественного производства - некая туманная утопия, к которой практически неизвестно, как подступиться.

В действительности подступы тут довольно нехитрые, -
- за основу можно принять представительную систему в том облике, какой она приобрела у нас, но обусловить её следующим принципом (который, вообще-то, самоочевиден и упорно повсюду пробивается в политическую жизнь):

все существенные права, связанные с формированием и функционированием представительно-демократического аппарата власти, должны возвыситься - или проясниться, если угодно, - до индивидуальных (а не стёгто-групповых) конституционных прав каждого гражданина государства.

Сюда вошли бы, в первую очередь:

право выдвижения любым политически-деспособным гражданином своей кандидатуры в депутаты любого представительного органа в стране;

право отвода, во время избирательной кампании, любым гражданином любой депутатской кандидатуры на территории страны (любой избиратель, если он опирается на определённые факты и аргументы, должен иметь средство "наложить вето" на избрание человека, неподходящего к исполнению депутатских обязанностей, где бы и куда бы тот ни баллотировался);

право отзыва, опять-таки любым гражданином, депутата любого представительного органа на территории страны, - если гражданин опирается на фактический материал, свидетельствующий о нецелесообразности (или попросту недопустимости) дальнейшего исполнения властных обязанностей отзываемым депутатом;

право законодательной инициативы, — каковая, по существу, и является "чистой формой" инициативы критически-творческой, а постольку противоестественно, чтобы она была привилегией узкого круга лиц в государстве, но не "поголовно"—открытой конституционной возможностью.

Следовало бы назвать также право внесения в соответствующие инстанции критических замечаний и предложений, но мы не поместили бы его в один ряд с вышеперечисленными гарантиями, поскольку они явственно подчинены этому более общему "праву на участие во власти", конкретизируют и уточняют содержащуюся в нём установку. Ведь подлинно-конструктивная критика, понятая как новая организация политического волеизъявления, должна достигать такой действенности, чтобы критическое выступление "приостанавливало", при необходимости, любые властные полномочия (если они используются неадекватно). Аналогичным образом, должны поддаваться "затормаживание" (а в принципе и позитивной замене) посредством "критики снизу" любые волонтиаристские, плохо обоснованные, критически-непроверенные решения, вплоть до предельно общих, относящихся к сфере государственного законотворчества.

Сквозной "перекрёстный контроль", под которым оказались бы, — в случае осуществления описанных и им подобных мероприятий, — законодательные (а отсюда неизбежно и исполнительные) органы власти, бесспорно, воздвиг бы мощнейший заслон бюрократизму — проникновению к управлеченческой деятельности недостойных людей, рассматривающих её не с точки зрения бескорыстного служения народу, а исключительно как выгодный промысел и непревзойдённое орудие личной наживы. С ликвидацией же (или, по крайности, при радикальном обезвреживании) "бюрократического извращения" отпало бы главное препятствие, мешающее общественной собственности на средства производства реализовать свои всемирноисторические преимущества перед частным хозяйством.

Система представительных учреждений — при введении поголовного права критически-новаторской инициативы, вплоть до законодательной, — уже не "отсекала" бы от себя массового избирателя на другой день после выборов; контингент представительных собраний сделался бы своеобразие "пульсирующим", поскольку к любому собранию в любую минуту смогли бы присоединяться, по мере надобности, авторы наиболее ценных "низовых" проектов и идей. А полноправное и непременное участие автора полезной инициативы — изобретателя, например, — в обсуждении своего предложения (на любом, сколь угодно высокопоставленном уровне!), в принятии решения по нему и, наконец, в организации практического внедрения буквально прорвало бы "структурную запруду", которая тупо громоздится сегодня едва ли не перед всякой "стучащейся" к нам плодотворной новизной. Множество интереснейших и продуктивнейших начинаний бессильно застrevает нынче "на пороге действительности" только потому, что творческая, производительная компетентность их авторов не считается достаточным основанием к наделению компетенцией управленческой, и человек, который своим талантом и критической остротой ума мог бы преобразить целую хозяйственную отрасль или ветвь общественной жизни, вынужден толочься в роли просителя там, где его голос должен быть решающим.

Между тем, весь политико-мировоззренческий пафос марксизма сконцентрирован в мысли, что именно реальные производители всякого общественно-человеческого богатства должны править обществом: непосредственный инициатор прогресса в какой-либо области и есть единственное-здравая, наилучшая, приоритетная кандидатура на уп-

равление ею. Социальному организму, который добивается безграничного изобилия и мощного "половодья" своих производительных резервов, необходимо так сориентировать структурно-институциональный уклад, чтобы он "развивался вместе с развитием действительного человека" - главной движущей силы общественного производства, и тогда самый прогресс, - по Марксу, - оказывается в этой социальной организации её общественным ("государственным") строем.

Со всей настоятельностью мы подчеркнули бы, в заключение, что переход к коммунизму - не какая-то полуутопическая дальняя альтернатива, но сегодняшняя, причём остройшая, "базисная нужда" мирового общественного развития (отнюдь не одних лишь социалистических стран). Сегодняшние "глобальные" неурядицы - продовольственные, ресурсно-экологические, проблемы углубляющейся неравномерности в прогрессировании различных регионов, проблема предотвращения ядерной войны, - все они стабильно, "недвусмысленно" разрешаются только на путях коммунистического переустройства самой подоплеки (базиса) отношений, протягивающихся на планете между человеком и человеком в процессе производства, между человеком и природой, между людьми разных рас и разных культурно-исторических традиций.

"Коммунизм для нас, - указывали классики, - не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает текущее состояние."^{хх}

Строй коммунистических общественно-экономических и политических взаимосвязей потому и необходим, что он не есть некая блаженно-пассивная картина процветания в будущем, но является сущностным, радикальным орудием неотложных проблемных решений, скопившихся перед человечеством в настоящем. Самая нелепая и неубедительная установка, которую только могла бы здесь избрать авторитетнейшая социалистическая держава, - это сидеть сложа руки при формальном равенстве, в его давно уже скособочившемся, сплющенном "структурном каркасе", не дающем свободно задохнуть производительным силам, и теоретизировать на тему какого-то "одновременного", "неразличимого" вознесения к коммунистическим молочным рекам в кисельных берегах. Сломать надо (а не разрисовывать под "развитой социализм") эту обветшалую "базисную коробку", пусть вырастается и развернётся в полную ширь подспудно созревший внутри неё новый структурно-политический костяк, на который бы беспрепятственно и органично нарастала материально-производственная "плоть" коммунистического общества, перешагивая и наши нынешние затруднения, и других будоража реалистическим, захватывающим досягаемым примером.

Применительно вот к этому-то "неиндустриалистскому" витку коммунистической истории, - который не забуксовал на "фабричном" мироприсвоении, но сумел "перемолоть", "переварить" его (диалектически "снять") и сделать предпосылкой дальнейшего мощного прогресса, - только и зазвучала бы, пожалуй, надлежащим образом Маркса характеристика "возмужавшего" коммунизма (кстати, не социализма, а именно коммунизма второй фазы!) как строящегося уже на "собственной", им самим исторически "наработанной" общественно-экономической основе.

^{х/} См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.1, стр. соотв. 240, 284.
^{хх/} К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.3, стр.34.